

После этого Тао Янь и Ян Хуань беседовали ещё очень долго, вплоть до самого заката.

Ян Хуань ушел из кабинета императора с новым планом ликвидации последствий бедствия — этот план они разработали вместе.

Доставка помощи пострадавшим была перенесена с сухопутного пути на речной, что сэкономило время и позволило миновать несколько уездов и городов. На этот раз вдоль маршрута стояли преимущественно люди Ян Хуаня, и он пообещал Тао Яню, что каждая монета из средств на помощь бедствующим дойдет до простого народа.

Стоило Ян Хуаню уйти, как появилась Система.

— Хозяин... — Система произнесла эти два слова своим соблазнительным женским голосом, но дальше словно не знала, что и сказать. Она-то знала, что поначалу план Тао Яня выглядел совсем иначе, и столь резкая перемена курса произошла, судя по всему, из-за той самой записки, или, вернее сказать, ради тех десятков тысяч простых людей, оказавшихся в зоне бедствия.

Глядя сквозь распахнутое окно на усыпанное звездами ночное небо — столь ослепительное, какое, пожалуй, можно было увидеть лишь в древности, — Тао Янь произнес:

— Мне довелось пробыть под завалами пять дней. В том месте, где не было видно ни луча света, я все равно цеплялся за надежду выжить. Беженцы, надо полагать, чувствуют то же самое.

□Хозяин, вы и впрямь такой мягкосердечный человек.□ Системе не суждено было произнести эти слова вслух, да и Тао Янь не услышал бы их. Люди слишком часто упрекали его в холодности и бездушии; узнай он, что Система сочла его мягким, еще неизвестно, какое выражение появилось бы на его лице — наверное, он просто горько усмехнулся бы.

— Кое-кто считает, что унижить противника — значит ответить ударом на былую несправедливость. Сегодня я преподам тебе урок и покажу, как выглядит правильный способ выживания для пушечного мяса и злодея, — Тао Янь слегка возбужденно блеснул глазами.

Сама по себе жизнь — штука донельзя скучная, а радость каждый ищет для себя сам. Тао Янь умел находить удовольствия: он перебивал со множеством мужчин, жажда обрести радость от того, что его любят, но в груди по-прежнему зияла пустота.

Тао Янь поднялся, потянулся всем телом и не удержался от зевка:

— Пожалуй, мне стоит навестить матушку-императрицу.

Вообще-то нынешняя Вдовствующая императрица была вовсе не стара: Ян Яню в этом году

исполнилось всего двадцать, а Вдовствующая императрица давным-давно вышла замуж за Превзошедшего императора, и ей еще не было сорока. К тому же она прекрасно ухаживала за собой, вполне оправдывая выражение цветущая женщина.

Добравшись до дворца Вдовствующей императрицы, он узнал, что та уже почилла. Служанки даже не собирались докладывать о его визите — судя по всему, ради императора никто не стал бы тревожить покой Вдовствующей императрицы.

В глазах приближенных Вдовствующей императрицы так называемый император был лишь пешкой, с помощью которой клан Чжао пытался держать регента в узде, ведь клан Чжао давным-давно лелеял собственные планы захвата трона.

А столь холодные отношения между матерью и сыном объяснялись еще одной дворцовой тайной. Ян Янь появился на свет благодаря разыгранному Вдовствующей императрицей спектаклю. Чжао спустя два года после того, как ее объявили императрицей, все еще не родила наследника, и, конечно же, начала тревожиться. Перепробовав всевозможные народные средства, она с великим трудом забеременела, но роды оказались тяжелыми: ребенок погиб, а ей объявили, что она больше никогда не сможет иметь детей. Чтобы укрепить свое положение, клан Чжао тайком привез извне чужого младенца на замену.

Поскольку времени катастрофически не хватало, им пришлось в спешке заставить нескольких беременных женщин на восьмом месяце и позже родить раньше срока, а заодно схватить несколько новорожденных. Из тех полутора десятков рожениц, которых принудили к преждевременным родам, и младенцев лишь Ян Янь внешне хоть сколько-то напоминал Превзошедшего императора, оказавшись наиболее подходящей кандидатурой.

Однако из-за того, что роды у матери были искусственно вызваны, Ян Янь от рождения страдал слабостью здоровья, хотя по сравнению с теми женщинами, что погибли вместе с детьми при родах, его еще можно было назвать везунчиком.

Об этом не ведал никто, кроме клана Чжао, и Вдовствующая императрица никогда бы не открыла правду Ян Яню. Сам Тао Янь узнал обо всем лишь потому, что прочитал краткое описание этого мира.

Концовка сей истории угадывалась без труда: в финале Главный герой и Главная героиня остаются вместе, клан Чжао поднимает мятеж, подложный император разоблачается, Главный герой восходит на престол, Главная героиня становится императрицей, и они объединяют всю Поднебесную под своей властью.

Простой и понятный сюжетный шаблон, но Тао Янь, обладая знанием будущего, вознамерился повернуть эту колею в другую сторону.

Это место не было каким-то обязательным миром-заданием — Тао Янь собирался поступать так, как подсказывало ему собственное сердце.

Золотая клетка

Чтобы Тао Янь смог беспрепятственно влиться в этот мир и не оставлять брешей, Система передала ему воспоминания прежнего владельца тела. Подобное единовременное принятие чужой прожитой жизни способно сломить любого, у кого слабая воля, но Тао Янь, разумеется, к таким людям не относился.

И все же он испытал на себе некоторое влияние чужих воспоминаний, так что действия Тао Яня по сути совпадали со стремлениями прежнего хозяина тела — вот только тот был не в силах их воплотить.

Настоящий император Ян Янь с малых лет рос робким и никчемным, а в сочетании с властной матушкой и выдающимся Императорским Дядей это означало, что он всю жизнь находился в их тени.

Больше всего на свете он жаждал признания и той материнской любви, которой был навечно лишен.

Тао Янь унаследовал память прежнего владельца до мельчайших деталей, а потому прекрасно понимал, что тот представлял собой жалкий комок комплексов. Чувства прежнего хозяина к Главной героине больше походили на попытку отыскать в ней утраченную материнскую любовь, а к регенту он испытывал смесь благоговения и жгучей зависти, отчаянно надеясь заслужить одобрение и похвалу Ян Хуаня.

Только вот никто так и не подсказал Ян Яню, как именно ему добиться всего этого, и он неуклонно катился все дальше по дороге злодея.

Кто бы мог подумать, что он окажется столь глубоким персонажем, а не просто картонным злодеем. Занятно, мысленно отметил про себя Тао Янь.

Хотя из-за сегодняшнего непредвиденного происшествия обстановка несколько изменилась, в целом все шло гладко. Сейчас требовалось и дальше разыгрывать комедию перед Вдовствующей императрицей, а заодно заставить Ян Хуаня поверить ему.

Визит во дворец Вдовствующей императрицы замышлялся лишь для того, чтобы не вызывать у нее подозрений, и раз уж его выставили за дверь, он мог спокойно уйти пораньше.

Вернувшись в собственные покои, Тао Янь тщательно привел себя в порядок. Единственным объяснением для такой ходячей аномалии, как Тао Янь, было его совершенство во всем — даже искусство макияжа и дизайн одежды находились у него на высшем уровне.

Используя собственное лицо и облачившись в императорские одежды, Тао Янь лишь слегка подкорректировал черты. Разумеется, все необходимые для этого средства были эксклюзивно

приобретены в магазине Системы.

Тао Янь помнил внешность Главной героини, а потому наложил макияж так, чтобы его лицо обрело трехчастное сходство с ней. Впрочем, особого старания и не требовалось: они и без того отчасти походили друг на друга — наверное, все красивые люди в чем-то схожи.

Сильных изменений он вносить не стал, иначе окружающие перестали бы узнавать в нем императора.

Весь процесс занял не больше десяти минут, после чего подросла служанка с новым нарядом. Это парадное одеяние дракона отличалось от того, в котором он выходил на утренние доклады, будучи чуть менее официальным, зато укомплектованным всеми полагавшимися аксессуарами.

Оно не только подчеркивало присущее правителю девяти пядей владыки величие, но и придавало Тао Яню некоторую мягкость, располагавшую к себе. Несколько юных служанок при виде такого Тао Яня даже покраснели, однако сам он не испытывал к ним ни малейшего интереса.

Праздничный пир должен был начаться с минуты на минуту, и, надо полагать, Главная героиня уже прибыла во дворец в ожидании высочайшего вызова. К этому моменту она наверняка уже успела благодаря своему уму и сообразительности вскружить голову всем столичным дамам так, что те готовы были порхать от восторга.

<http://bllate.org/book/26041/3117972>